Политическая лингвистика. 2022. № 3 (93).
Political Linguistics. 2022. No 3 (93).

УДК 81'272
ББК Ш121 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)*

Мидхат Хабибович Фарукшин
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, midkhat.farukshin@kpfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0004-4559

Конфликтогенные факторы в языковой политике Российской Федерации*

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются некоторые конфликтогенные факторы в современной языковой политике Российской Федерации. Проводится различие между конфликтогенным фактором и конфликтом, подчеркивается отсутствие между ними линейной связи. Конфликтные отношения возникают между людьми, а не языками, поэтому объективные процессы, например, глобализация, ведущие к снижению инструментальной роли многих языков, даже нанося психическую травму носителям этих языков, не вызывают конфликты между людьми. Конфлитогенные факторы приводят к конфликтам в тех случаях, когда они осознаются носителями языка как порожденные другими субъектами, включая органы и организации, принимающие решения в сфере языка и языковых отношений. В языковой сфере фундаментальным является противоречие между укреплением роли и расширением зоны действия доминантного в России русского языка и одновременным снижением функционала языков других народов Российской Федерации, противоречие, определяемое как объективными, так и субъективными факторами. Перспективы преодоления его пока не просматриваются. В статье описываются конкретные конфликтогенные ситуации, возникшие в российском обществе под воздействием ряда решений, принятых региональными и федеральными органами государственной власти. Раскрываются причины, почему они привели к конфликтным ситуациям в одних случаях и не приводили к ним в других.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *конфликтогенные факторы, конфликтные ситуации, языковая политика, этнические группы, этносы, этнолингвистика, государственный язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Фарукшин Мидхат Хабибович, кандидат юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; e-mail: midkhat.farukshin@kpfu.ru; Reseacher ID F-1811-2017.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Фарукшин, М. Х.* Конфликтогенные факторы в языковой политике Российской Федерации / М. Х. Фарукшин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 3 (93). — С. 82-89.

Midkhat Kh. Farukshin
Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia, midkhat.farukshin@kpfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0004-4559

Conflict-Generating Factors in the Language Policy of the Russian Federation

ABSTRACT. *The article deals with some conflict-generating factors in the sphere of language policy of the Russian Federation. The author dwells on the differences between a conflict-generating factor and a conflict and emphasizes the absence of linear relationship between them. Conflicts arise between people, not languages. That is why, objective processes, e.g. globalization, leading to the degradation of the instrumental role of many languages, do not provoke conflicts between peoples, even if they cause psychological trauma to the speakers of these languages. Conflict-generating factors lead to conflicts in cases when they are treated by the language speakers as generated by other subjects, including organs and organizations, taking decisions in the sphere of language and language relations. In the sphere of language, we can observe a fundamental contradiction between enhancing the role and expanding the coverage of the Russian language dominant in the country and the simultaneous weakening of the functionality of the languages of other nationalities living in the Russian Federation. This contradiction is predetermined by both objective and subjective factors. The prospects for its resolution cannot be clearly seen yet. The article describes concrete conflict-generating situations arising in the Russian society under the influence of some decisions taken by regional and federal organs of state power. The study reveals the causes that led to the emergence of conflict situations in some cases, and did not have such an effect in others.*

KEYWORDS: *conflict generating factors, conflict situations, language policy, ethnic groups, ethnoses, ethnolinguistics, official language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Farukshin Midkhat Khabibovich, Candidate of Juridical Science, Doctor of Philosophy, Professor-Consultant of Department of Political Science, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia*.

FOR CITATION: *Farukshin M. Kh.* (2022). Conflict-Generating Factors in the Language Policy of the Russian Federation. In *Political Linguistics*. No 3 (93), pp. 82-89. (In Russ.).

* В статье использованы некоторые фактические данные из материалов по научному проекту «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов» (научный руководитель — Фарукшин М. Х.) в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020—2022 гг. при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Российской Федерации.

© Фарукшин М. Х., 2022

Как наука, так и обширная практика убедительно доказывают, что сфера языковых отношений может стать ареной острых конфликтных ситуаций. Ссылаясь на проведенные исследования, два ведущих российских ученых в области этнологии отмечают: «Языковая сфера жизни представляет собой потенциально конфликтное поле, и поэтому лучше заблаговременно искать пути решения существующих проблем» [Тишков, Степанов 2017: 126]. Зарубежные авторы также замечают, что «фактически в течение всего периода после Второй мировой войны язык более явно ассоциируется с этническим конфликтом, чем религия» [Bormann, Cederman, Vogt 2015: 2]. Конфликты по поводу языка, как правило, принимают политический (а точнее, этнополитический) характер и трудно поддаются разрешению.

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И КОНФЛИКТЫ

В современной России неизменно подчеркивается огромная роль русского языка. В системе образования его изучение, в отличие от языков других народов РФ, является обязательным, на его изучение в средней школе отводится больше учебных часов. Область его применения исключительно велика.

Большое внимание к русскому языку вполне оправданно. В условиях языкового многообразия понятна необходимость в общенациональном языке, который выполняет функции универсального коммуникатора, обеспечивающего единство общества и государства и социальную солидарность. В Российской Федерации преобладающим (и в этом смысле доминантным) и имеющим статус общенационального государственного языка по абсолютно объективным показателям является русский язык. Он выполняет весь набор присущих развитому языку функций.

На фоне усиления инструментальной роли русского языка в Российской Федерации набирает силу другой процесс — сокращение сферы применения и роли языков других народов России. Уменьшается доля представителей этих народов, владеющих родным языком и использующих его в повседневной жизни, непрерывно сокращается количество школ с обучением на родном (не русском) языке и число учащихся, изучающих родной язык в образовательных учреждениях.

Происходит процесс постепенного угасания нерусских языков и отмирания некоторых из них. Так, по данным, приведенным директором Института языкознания РАН на парламентских слушаниях в Государственной думе, «в России 151 язык, при этом за последние полтора века в России вымерло 14 языков, из них половина — в постсоветский период. А из 151 языка 18 — на грани исчезновения. Вообще подавляющее большинство языков находятся в уязвимом состоянии» [Колебакина-Усманова 2018].

По другим данным, в целом «двадцать языков в России уже признаны мертвыми, двадцать два считаются находящимися в критическом состоянии (их знают только представители самых старших возрастных групп, но на них почти не общаются), еще двадцать девять — находящимися в большой опасности (на них говорят представители только старших возрастных групп, среднее поколение лишь понимает данные языки, а дети их совершенно не знают)» [Арефьев 2015: 75]. Под угрозой находятся и языки титульных национальностей некоторых республик Поволжья и Приуралья. По данным на 2017 г., согласно Атласу языков ЮНЕСКО, например, статус чувашского языка характеризуется как «определенно под угрозой исчезновения» [ЮНЕСКО 2017].

При развитии подобных процессов закономерно возникает вопрос: насколько эффективно выполняется содержащаяся в федеральном законе о языках декларация, что языковая политика Российской Федерации направлена на сохранение, развитие и изучение языков народов РФ?

Нынешнее положение нерусских языков в Российской Федерации, наверное, может создать конфликтную ситуацию в языковой сфере. Однако наличие конфликтогенных факторов вовсе не означает, что они автоматически вызывают конфликты. Здесь нет линейной связи.

Однако приведет или не приведет потенциально конфликтогенный фактор к конфликтной ситуации, в решающей степени зависит от того, оценивается ли и воспринимается эта ситуация как конфликтная участниками языковых отношений и, главное, выливается ли это в открытое недовольство и протестные действия.

В связи с этим необходимо отметить, что некоторые объективные факторы, снижающие инструментальную роль многих языков, такие, например, как глобализация, урбанизация, сокращение численности носителей языка, межнациональные браки и др., могут, конечно, вызвать негативную реакцию части носителей языка на эмоциональном уровне, но они не порождают конфликтные отношения, поскольку нет другой стороны, отстаивающей иные интересы, цели, и вряд ли в данном случае есть почва для публичных поступков. Так, плачевное положение, в ко-

тором находятся недоминантные языки народов России, не вызывает во многих республиках в составе Российской Федерации активного протеста и массовых протестных выступлений.

Но наряду с объективными процессами большую роль в языковой ситуации играют и, так сказать, рукотворные факторы. К ним, безусловно, относится языковая политика властей. Именно она создает ситуации, которые могут привести к конфликтам, но могут и не приводить к ним, как правило, по двум основным причинам.

Первая из них — это безразличное отношение значительной части населения к языковой политике и ее результатам вследствие отсутствия интереса к проблеме языков. Так, особенностью языковой ситуации в Чувашской Республике называется то, что, хотя представители титульной нации составляют внушительное большинство в населении республики (67,7 %), значительная их часть не идентифицирует себя с чувашским языком. По словам зарубежного исследователя, уникальность Чувашской Республики состоит в том, что «несмотря на большинство титульного населения, относительно большая часть этого населения не сильно идентифицируется с чувашским языком и проявила также высокую степень лингвистической русификации» [Marquardt 2012: 128]. По некоторым подсчетам, которые проводились в отдельные годы, эта часть доходила до 40 %. «В глазах граждан снижается статус чувашского языка и растут сомнения в его практической ценности» [Алос-и-Фомт 2015: 45]. Однако важно уточнить, что такое неприятие определялось не отношением к чувашскому языку как таковому, а отсутствием, например, по мнению родителей, перспектив в его использовании и трудностями в изучении в русскоговорящей среде [Бойко, Долгова, Харитонова 2019: 81—89].

Другая причина, препятствующая выражению открытого недовольства и протестным действиям — страх перед последствиями своего выступления против решений властей, а также осознание бесполезности массовых акций. В данном случае конфликтогенный фактор может возникнуть, но не привести к конфликту из-за поведения людей.

Конфликтные и предконфликтные языковые ситуации, как и вызывающие их факторы, делятся по происхождению на внутренние и внешние. Внутренними являются ситуации, возникающие в пределах этнической группы, между ее представителями, занимающими противоположные позиции в отношении того или иного решения языкового вопроса (например, противоположность взглядов татарских общественных групп в дискуссии о целесообразности или нецелесообразности перевода татарского языка с кириллицы на латинскую графику или разделение среди татар на сторонников и противников обязательного изучения татарского языка всеми учащимися школ). В таких случаях источником той или иной ситуации является разное понимание среди этнонации значимости того или иного дискуссионного вопроса для сохранения и развития родного языка.

В связи с этим трудно согласиться с тем, что «внутриэтнические языковые конфликты обычно характерны для узкого круга национальной интеллигенции, поэтому они не бывают такими острыми, как межэтнические языковые конфликты» [Кириленко 2019: 333]. Общественно-политическая практика свидетельствует о другом: нередко самое активное участие в дискуссиях о языковых проблемах принимают и широкие слои населения. Напомним, какое общественное возбуждение и разное отношение вызвало принятое в некоторых республиках решение о введении в системе среднего образования обязательного изучения государственного языка республики всеми учащимися независимо от их национальной принадлежности.

В так называемых внешних этноязыковых конфликтах (конфликтных ситуациях) субъектами являются этнические группы, региональные и федеральные власти. Это конфликты между этническими группами, как правило, по поводу статуса и роли их языков, между этнической группой и органами власти по поводу проводимой ими языковой политики.

РЕШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОГЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

При всех объективных обстоятельствах, влияющих на положение родных языков народов Российской Федерации, сильнейшее и определяющее влияние на ситуацию в сфере языка оказывает государственная языковая политика. Языковая политика может сыграть положительную роль, давая импульс развитию языков и поддерживая языковое многообразие. Но она же может быть направлена на установление моноязычия и ограничение сферы использования других языков. Как отмечалось в научной литературе, языковая политика определяет, в частности, образовательную политику, которая может игнорировать или даже исключать местные языки, запрещать использование языков меньшинств в публичной жизни [Sallabank 2012: 104].

Языковая политика проводится в первую очередь через принятие управленческих решений в широком смысле, т. е. включая законодательные и другие нормативно-правовые акты, а также принимаемые на их основе исполнительно-распорядительные акты республиканского и федерального уровней. Нередко эти акты оказывают на положение языков негативное влияние.

Так, довольно сильное социальное напряжение в ряде республик вызвало введение в системе дошкольного и школьного образования, а также образовательных учреждениях среднего профессионального уровня обязательного изучения государственных языков республик всеми учащимися независимо от их национальной принадлежности.

Однако сама организация обучения государственным языкам республик оказалась неудовлетворительной. Решения о всеобщем изучении этих языков принимались без самого широкого обсуждения общественности, в первую очередь, среди родителей и учителей, при отсутствии тщательно отработанной методики преподавания государственного языка республики, недостатке специально подготовленных педагогических кадров, учебников и учебно-методической литературы и, что оказалось особенно неприемлемым для многих, при сокращении часов на изучение русского языка. В ряде случаев объем недоданных часов на изучение русского языка доходил до 40 %, что вызывало недовольство русскоязычных родителей и не только их.

Многие, признавая необходимость преподавания в школах государственного языка республики, выступали за добровольность его изучения. Так, в Башкортостане добровольное изучение башкирского языка поддержали 45 % опрошенных респондентов башкирской национальности (такого же мнения придерживались 46 % русских и 53 % татар) [Арутюнова 2018: 32].

Недовольство значительной части родителей открыто выразилось в средствах массовой информации, в письмах-жалобах в федеральные органы власти, в обращении в Конституционный суд РФ и даже в публичных протестных акциях. Это тот случай, когда непродуманное и неподготовленное решение тогдашних региональных властей создало в ряде республик конфликтную ситуацию.

В решение вопроса об изучении всеми школьниками государственных языков республик вмешался Президент РФ. В выступлении на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле 20 июля 2017 г. он заявил, что знание государственного русского языка является обязательным для всех, а государственных языков республик — как будто бы нет: «Изучать эти языки, — сказал Президент, — гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского».

Понятно, что эти слова были сказаны исключительно в адрес государственных языков республик, которые изучать можно, но не обязательно. Мысль о необязательности изучения любого языка (кроме русского) из числа языков нардов России подтверждается тем, что добровольность выбора языка образования относится только к языкам нерусских народов, поскольку изучение русского языка в образовательной системе Российской Федерации является обязательным.

Высказывание Президента РФ было ситуационным, по случаю обязательного изучения государственных языков республик. В более общем контексте оно не имеет универсального значения и является ошибочным, так как не применимо ко всем случаям изучения языка. Например, можно ли заставлять ученика нерусской национальности изучать русский язык, который не является для него родным? Но заставляют и правильно делают. Или можно ли заставлять учеников изучать иностранный язык, который для них не является родным? Но заставляют и правильно делают. И еще: можно ли заставлять школьников изучать родной язык? По-видимому, изучать родной язык не только можно, но и нужно.

Вслед за выступлением Президента РФ Генеральной прокуратуре было дано поручение проверить и доложить до 30 ноября 2017 г., насколько соблюдается добровольность изучения национальных языков в республиках, и пресекать факты принуждения в этом деле.

В результате давления центральной власти время на изучение в школах государственных языков республик было сокращено до 2 часов в неделю и обязательно на добровольной основе. При этом было проигнорировано решение Конституционного суда Российской Федерации, который в своем Постановлении (от 16.11.2004 года №16-П) признал, что содержащееся в законодательстве Республики Татарстан положение об изучении татарского и русского языков в образовательных учреждениях в равных объемах не противоречит Конституции Российской Федерации, то есть является правомерным. И Президент России в своем выступлении не определял, какое количество

часов должно быть отведено на изучение родного языка. Решение этого вопроса было отдано на откуп федеральной бюрократии, которая поступила по-своему, не считаясь с решением Конституционного суда РФ.

Принятое произвольно и тоже без широкого обсуждения общественностью сокращение до 2 часов в неделю преподавания государственных языков республик, родных языков (кроме русского) даже при условии добровольного выбора, с одной стороны, не позволяет учащимся овладеть ими на разговорном уровне, с другой — означает свертывание обучения родному языку. «Исследования освоения языка показало, что час или два в неделю недостаточны для активации естественных способностей детей к изучению языка» [Sallabank 2012: 113].

Все республики подчинились указаниям центра, всевластию которого они не могут ничего противопоставить, хотя без выражения несогласия не обошлось. Так, в Башкортостане в сентябре 2017 г. башкирские этнические организации совместно с республиканской организацией КПРФ провели митинг в защиту башкирского языка, потребовав ввести обязательное обучение башкирскому языку как предмету.

После спада волны этнического активизма башкирские общественные организации и региональная элита Башкортостана (по крайней мере, часть ее) не оставили попыток привлечь внимание к ситуации с преподаванием башкирского языка в школах и по возможности изменить ее.

В Татарстане после выступления Президента РФ и действий Прокуратуры в конце сентября — октябре 2017 г. в поддержку татарского языка выступили 60 писателей Татарстана, направив письмо Президенту РФ, муфтий Республики Татарстан, Исполком Всемирного конгресса татар (ВКТ) и другие общественные организации. Активисты из Всетатарского общественного центра (ВТОЦ) провели митинг 14 октября, собравший 300 участников. Языковая тема сохранила политизированную остроту в некоторых интернет-блогах и сетевых сообществах Татарстана и в 2018—2020 гг. Однако массовость дискуссии была утеряна очень быстро.

В Чувашской Республике, напротив, по мнению республиканских экспертов, в целом перевод изучения родных языков на добровольное начало прошел без серьезных конфликтов [Бойко, Долгова, Харитонова 2019: 81—89].

Для положения государственных языков свобода выбора языка как отдельного предмета изучения имеет двойственное значение. С одной стороны, эта закрепленная в законах норма является, несомненно, демократической, поскольку позволяет родителям свободно выбирать для изучения их детьми такой язык, который они считают родным.

С другой стороны, складывается ситуация, когда изучение государственного языка республики вовсе не является обязательным, что рассматривалось частью представителей титульных национальностей как угроза существованию их языков.

С самого начала можно было предположить, что в создавшихся условиях выбор родителями (законными представителями) государственного языка республики как родного языка для изучения их детьми будет относительно незначительным. Например, в Республике Марий Эл общее количество изучающих марийский (государственный) язык как отдельный учебный предмет составляет 20,7 % от общего числа учащихся школ, а в случае интегрированности изучения языка с учебным предметом «История и культура народов Марий Эл» — 27,4 %.

К началу 2010 г. башкирский язык как предмет изучали большинство школьников-небашкир (82,3 %) [Искужина 2014: 217]. После языковой реформы и изменения федерального законодательства в 2108/19 уч. г. башкирский язык как родной выбрали 15,6 % школьников, татарский как родной — 9,45 %, 63,05 % — русский (при общей численности учащихся школ в Башкирии 468 154 человека) [Почти две трети 2019].

Добровольность не угрожала бы выбору для изучения государственного языка республики, если бы не конкуренция со стороны русского языка, высокая инструментальная ценность и престиж которого во многом предопределяют выбор родителями (в том числе и частью нерусскоязычных) именно русского языка. Но такова объективная, не созданная кем-то искусственно ситуация.

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ РЕШЕНИЯ СВЕРХУ

Конфликтогенность в сфере языковой политики все последние годы демонстрируют и федеральные органы власти, которые ввели некоторые нормативно-правовые ограничения в языковой сфере.

Так, федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» содержит норму о том, что «граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации» (п. 4 ст. 14).

Как нетрудно заметить, из закона вытекает, что исключается обучение на родном

языке, кроме русского, на уровне среднего общего, среднего профессионального и высшего образования. Это касается всех языков нерусских народов, включая государственные языки республик. В результате получается, что, если при обучении в школах на русском языке в течение 11 лет учащийся получает среднее общее (полное среднее) образование, то обучение на родном языке ограничено уровнем общего основного образования (т. е. до 9-го класса включительно). Тем самым учащиеся национальных школ ставятся в неравноправное положение по сравнению с учащимися русскоязычных школ. Происходит дестимуляция получения образования на родном языке.

Даже сделав абсолютно свободный выбор, родители, отдавая своих детей в школы с преподаванием, например, на государственном (родном для титульной нации) языке республики, не могут обеспечить им получение среднего общего образования на этом языке, не говоря уже о среднем профессиональном или высшем образовании. Родители теряют стимул отдавать своих детей в школы с обучением на родном языке.

С учетом сказанного, можно утверждать, что в Российской Федерации у представителей нерусских национальностей нет возможности получить полноценное образование на родном языке. А это означает, что их конституционное право на выбор языка обучения (статья 26 Конституции РФ) фактически ограничено. Более того, нарушается закрепленный в законодательстве Российской Федерации принцип равноправия языков, вытекающий из равноправия народов. Вряд ли можно найти серьезное обоснование запрета получать при обучении на национальных языках, по крайней мере, среднее общее образование.

При этом речь идет не о категорической обязательности обучения непременно на родном языке, а всего лишь о необходимости освободиться от нелепых в наше время дискриминационных ограничений и об обязательности законодательного закрепления в России права граждан получать образование на родном языке на любом уровне образовательной системы при наличии соответствующих условий. Другой вопрос, как эту возможность по своему усмотрению будут и будут ли использовать республики и другие субъекты Российской Федерации.

Примером конфликтогенности из-за умаления значимости родных языков нерусских народов является другой нормативно-правовой акт — совместный приказ Министерства просвещения РФ и федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 7 ноября 2018 г. № 190/1512. Этим приказом утвержден Порядок проведения итоговой аттестации по общеобразовательным предметам среднего общего образования. Порядком устанавливается правило выбора экзамена по родному языку «на добровольной основе».

Выбор экзамена на добровольной основе — это перевод обучения родному языку на факультативную основу. Проще говоря, это означает: хочешь учить язык — учи, не хочешь — не учи, никто проверять твои знания не будет, если сам добровольно не выберешь для себя экзамен по родному языку. Прокурорские проверки, начатые в школах после вмешательства Президента РФ в июле 2017 г. в ситуацию с преподаванием и изучением государственных языков республик, закончились, в частности, следующей констатацией Прокуратурой Республики Татарстан: «Были установлены нарушения прав и свобод на добровольное изучение родных языков и государственного языка республики с навязыванием незаконных итоговых тестирований, влиявших как на перевод в 10-й класс, так и на средний балл аттестата» [Прокурор Татарстана 2017].

Удивительно, что прокуроры связали добровольность изучения родных языков с отсутствием итоговых тестирований. Не новое ли это прокурорское слово в педагогике?! Может быть, следовало сделать другой вывод: нужно стараться и хорошо изучать родной язык? И тогда не будет проблем ни с переводом в 10-й класс, ни со средним баллом аттестата.

Проблема итоговой аттестации выглядит в республиках по-разному. Например, в Республике Башкортостан итоговый экзамен по башкирскому языку был введен в 2008 г., но он не был обязательным: его сдавали лишь те школьники, которые в дальнейшем предполагали изучать башкирский язык и литературу [Искужина 2014: 222].

Министерство образования Мордовской Республики рекомендовало школам включать в перечень учебных предметов изучение одного из мордовских языков либо на «безотметочной» основе, либо по двухбалльной шкале (оценки «хорошо» и «отлично») [Мартыненко 2020: 196—205]. Но стоило ли заниматься такой профанацией, подчеркивая унизительное положение родного языка?

Примером ограничения роли родных языков нерусских народов является введенное правило сдачи единого государственного экзамена (ЕГЭ) по окончании средней школы только на русском языке (приказ Министерства образования и науки РФ № 362

от 28 ноября 2008 года). Это, конечно, дестимулирует учебу в национальных школах. По мнению академика В. М. Алпатова, «отсутствие экзамена по национальному языку и требование обязательной сдачи ЕГЭ на русском языке, конечно, способствуют распространению русского языка, но возвращают языковую политику даже не к советским временам, а к дореволюционной политике обрусения, и на практике ведут к свертыванию образования на малых языках» [Алпатов 2010: 1—2].

Начавшаяся в школах погоня за показателями сдачи ЕГЭ имела пагубные последствия для изучения языков нерусских народов. Трудно не согласиться с тем, что «воспроизводство национальных языков и культур в сфере образования становится затруднительным не только по причине „объективных процессов глобализации“, но также из-за банальных бюрократических условностей, стремления современных школ „отсечь все ненужное“ и добиться высоких показателей по единым государственным экзаменам. Велико желание попасть в престижные рейтинги, которые фактически не учитывают мнение самих получателей „образовательных услуг“» [Тишков, Степанов 2017: 130].

Эти слова полностью подтверждает школьная практика в республиках Поволжья и Приуралья. «И родители, и руководители школ поняли, что ЕГЭ значительно увеличивает потребность в русском языке и начали искать формы для увеличения посвященных ему часов. Несомненно, это идет в ущерб „лишним“ предметам, например, чувашскому языку» [Алос-и-Фомт 2015: 38].

Конфликтогенный характер может иметь и невыполнение обязательств, зафиксированных в законодательстве. Например, согласно федеральному закону «О языках народов Российской Федерации», ведению Российской Федерации (то бишь центральной власти) подлежит «содействие развитию государственных языков республик» (ст. 6). Но в реальной действительности невозможно совместить эту норму с такими мерами, принятыми в последние годы федеральной властью, как (а) сокращение преподавания в школах государственных языков республик до 2 часов в неделю и даже необязательность их изучения, (б) ограничение учебы на государственных языках республик уровнем основного общего образования (т. е. до 9 класса включительно), (в) изъятие из федерального образовательного стандарта национально-регионального компонента, (г) отсутствие до сих пор отдельного федерального образовательного стандарта преподавания и изучения государственных языков республик. Невозможно вспомнить, что реально сделано федеральной властью за последние двадцать лет хотя бы для сохранения (речь даже не о развитии) государственных языков республик.

В языковой сфере в Российской Федерации происходят сложные противоречивые процессы, в основе которых лежит фундаментальное противоречие между, с одной стороны, укреплением, расширением зоны действия и развитием далее доминантного русского языка как мощнейшей скрепы, призванной укреплять общенациональное единство, с другой — кровной заинтересованностью других народов в сохранении, распространении и развитии своих языков.

Утверждение единственного языка за счет подавления других языков создало бы благоприятную почву для конфликтов. «Подавление языковых прав человека ради национального единства редко приводит к такому единству; напротив, язык может стать символом самоопределения. Между тем, растущее число исследований рассматривает признание языковых прав и факторов этнической идентичности, как необходимые для разрешения конфликтов» [Sallabank 2012: 111].

Вряд ли подлежит сомнению то, что жертва языками этнических меньшинств недопустима независимо от целей, которые при этом преследуются. Ни интеграция гражданской нации, ни защита и укрепление доминирующего языка несовместимы с ограничением личных прав человека, в том числе права общаться на родном языке[1], с утратой даже самого малого языка, а вместе с ним исчезновением его носителя — народа, каким бы малым по численности он ни был.

Конечно, оптимальным вариантом разрешения этой проблемы, отвечающим интересам всех народов Российской Федерации, явилось бы сочетание обоих процессов — дальнейшего укрепления позиций русского языка и сохранения и развития языков других народов России. Однако найти общеприемлемый способ решения данной проблемы пока не удается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алос-и-Фомт, Э. Преподавание чувашского языка и проблема языкового поведения родителей / Э. Алос-и-Фомт. —

[1] В Омске женщину ударили по голове за разговор на татарском языке. Пострадавшая рассказала местному изданию *ngs55.ru*, что она переговаривалась на родном языке (женщина — этническая татарка) со старушкой в маршрутке. В это время мужчина постучал ей по плечу и грубо потребовал перейти на русский язык. «Он постучал мне по плечу, грубо так, а потом говорит: „Или по-русски говори, или заткнись!“» [В Омске женщину ударили… 2020 www].

Текст : непосредственный // Научные доклады / ЧГИШН ; науч. ред. Г. А. Николаев. — Чебоксары, 2015. — Вып. 20.

2. Алпатов, В. М. Двадцать лет спустя / В. М. Алпатов. — Текст : непосредственный // Язык и общество в современной России и других странах : Междунар. конф. (Москва, 21—24 июня 2010 г.) : доклады и сообщения. — Москва, 2010.

3. Арефьев, А. Л. О языках коренных малочисленных народов России / А. Л. Арефьев. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2015. — № 8.

4. Арутюнова, Е. М. Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) / Е. М. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2018. — № 4.

5. Бойко, И. И. Опыт языковой политики в Чувашии: день сегодняшний и ретроспектива 1990-х / И. И. Бойко, А. П. Долгова, В. Г. Харитонова. — Текст : непосредственный // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов. — Москва : ИЭА РАН, 2019.

6. В Омске женщину ударили… // Prokazan.ru : сайт. — 2020. — 24 сент. — URL: https://prokazan.ru/news/view/141059 (дата обращеия: 19.12.2020). — Текст : электронный.

7. ЮНЕСКО. Интерактивный атлас языков мира, находящихся под угрозой // Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения / ЮНЕСКО. — 2017. — URL: http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap/language-id-338.html (дата обращения: 8.04.2020). — Текст : электронный.

8. Искужина, Н. Г. Языковая ситуация в городах Республики Башкортостан (социолингвистический аспект) : дис. … д-ра филол. наук / Искужина Н. Г. — Уфа, 2014. — Текст : непосредственный.

9. Кириленко, С. В. Языковая ситуация и языковый конфликт в условиях современного языкового многообразия / С. В. Кириленко. — Текст : непосредственный // Филологические науки: вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — № 12.

10. Колебакина-Усманова, Е. Внешнее принуждение приведет только к имитации: в Госдуме снова поспорили о языках / Е. Колебакина-Усманова. — Текст : электронный // Бизнес Online : деловая электронная газета. — 2018. — URL: https://www.business-gazeta.ru/article/400767 (дата обращения: 08.02.2020).

11. Мартыненко, А. В. Языковая ситуация в Республике Мордовия: основные тенденции развития / А. В. Мартыненко. — Текст : непосредственный // Вестник антропологии. — 2020. — № 3.

12. Почти две трети школьников Башкортостана в качестве родного языка выбрали русский. — 2019. — URL: https://www.idelreal.org/a/29439082.html (дата обращения: 17.04.2020). — Текст : электронный.

13. Прокурор Татарстана о нарушениях в преподавании языков: полный текст выступления. — 2017. — URL: https://kazan24.ru/news/politics/prokuror-tatarstana-o-narusheniyah-v-prepodavanii-yazykov-polnyj-tekst-vystupleniya (дата обращения: 27.01.2019). — Текст : электронный.

14. Тишков, В. А. Этнокультурное и языковое многообразие и система образования / В. А. Тишков, В. В. Степанов. — Текст : непосредственный // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. — Москва : ИЭА РАН, 2017.

15. Bormann, N.-Ch. Language, Religion, and Ethnic Civil War / N.-Ch. Bormann, L.-E. Cederman, M. Vogt. — First published. — 2015. — URL: https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10871/18833/CleavageConflict-MainText.pdf?sequence=1&isAllowed=y] accessed 11 September 2020. — Text : electronic.

16. Marquardt, K. L. Stabilization and symbolism: language and regional politics in the Chuvash Republic / K. L. Marquardt. — Text : unmediated // Nationalities Papers. — 2012. — Vol. 40, No. 1.

17. Sallabank, J. Diversity and language policy for endangered languages / J. Sallabank. — Text : unmediated // The Cambridge Handbook of Language Policy / ed. by Bernard Spolsky. — Cambridge University Press, 2012.

REFERENCES

1. Alos-i-Fomt, E. (2015). Prepodavanie chuvashskogo yazyka i problema yazykovogo povedeniya roditeley [Teaching of Chuvash language and problem of parent' behavior]. In G. A. Nikolaev (Ed.), *Research papers of ChGIPCzN, 20*. (In Russ.)

2. Alpatov, V. M. (2010). Dvadtsat' let spustya [After twenty years]. In *Language and society in contemporary Russia and other countries* (International conference, Moscow, 21—24 June 2020, Reports and papers). (In Russ.)

3. Aref'ev, A. L. (2015). O yazykakh korennykh malochislennykh narodov Rossii [Concerning languages of indigenous ethnic groups of Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya, 8*. (In Russ.)

4. Arytjunova, E. M. (2018). Etnoyazykovye problemy i perspektivy v obrazovatel'noy sfere rossiyskikh respublik (na primere Bashkortostana) [Ethnolinguistic problems and perspectives in education sphere of the Russian republics (case of Bashkortostan)]. *Sociologicheskie issledovaniya, 4.* (In Russ.)

5. Boiko, I. I., Dolgova, A. P., & Kharitonova, V. G. (2019). Opyt yazykovoy politiki v Chuvashii: den' segodnyashniy i retrospektiva 1990-kh [Experience of language policy in Chuvashiya: today and retrospective of 1990s]. In M. Ju. Martinov, V. V. Stepanov (Eds.), *Measurement of cultural manifold. Language situation, censuses, field ethnostatistics*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

6. *V Omske zhenshchinu udarili…* [In Omsk, a woman was hit] (2020, Sept. 24). Prokazan.ru. Retrieved Dec. 19, 2020, from https://prokazan.ru/news/view/141059 (In Russ.)

7. UNESCO (2017). Interactive atlas of world's languages under threat. *Atlas of world' languages under threat of disappearance*. Retrieved Apr. 8, 2020, from http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap/language-id-338.html (In Russ.)

8. Iskuzhina, N. G. (2014). *Yazykovaya situatsiya v gorodakh Respubliki Bashkortostan (sotsiolingvisticheskiy aspekt)* [Language situation in cities of Bashkortostan Republic (sociological aspect)] [Philology doctor dissertation]. Ufa. (In Russ.)

9. Kirilenko, S. V. (2019). Yazykovaya situatsiya i yazykovyy konflikt v usloviyakh sovremennogo yazykovogo mnogoobraziya [Language situation and language conflict under conditions of contemporary language manifold]. *Philological sciences: questions of theory and practice*, *12*(12). (In Russ.)

10. Kolebakina-Usmanova, E. (2018).Vneshnee prinuzhdenie privedet tol'ko k imitatsii: v Gosdume snova posporili o yazykakh [External compulsion will lead only to imitation: languages are discussed again in Gosduma]. *Electronic paper "Business Online"*. Retrieved Febr. 2, 2020, from https://www.business-gazeta.ru/article/400767 (In Russ.)

11. Martynenko, A. V. (2020) Yazykovaya situatsiya v Respublike Mordoviya: osnovnye tendentsii razvitiya [Language situation in Mordoviya Republic: main otendencies of development]. *Bulletin of anthropology*, *3* (In Russ.)

12. *Pochti dve treti shkol'nikov Bashkortostana v kachestve rodnogo yazyka vybrali russkiy* [Almost two thirds of pupils of Bashkortostan chose Russian as the mother language] (2019). Retrieved Apr. 17, 2019, from https://www.idelreal.org/a/29439082.html (In Russ.)

13. *Prokuror Tatarstana o narusheniyakh v prepodavanii yazykov: polnyy tekst vystupleniya* [Prosecutor of Tatarstan about violations in teaching languages: full text of speech] (2017). Retrieved Jan. 27, 2019, from https://kazan24.ru/news/politics/prokuror-tatarstana-o-narusheniyah-v-prepodavanii-yazykov-polnyj-tekst-vystupleniya (In Russ.)

14. Tishkov, V. A., & Stepanov, L. E. (2017). Etnokul'turnoe i yazykovoe mnogoobrazie i sistema obrazovaniya [Ethnocultural and language manifold and system of education]. In V. A. Tishkov, & V. V. Stepanov (Eds.), *Ethnic and religious manifold of Russia*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)

15. Bormann, N.-Ch., Cederman, L.-E., & Vogt, M. (2015). Language, Religion, and Ethnic Civil War. First published. Retrieved Sept. 11, 2020, from https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10871/18833/CleavageConflict-MainText.pdf?sequence=1&isAllowed=y

16. Marquardt, K. L.(2012). Stabilization and symbolism: language and regional politics in the Chuvash Republic. *Nationalities Papers*, *40*(1).

17. Sallabank, J. (2012). Diversity and language policy for endangered languages. In Bernard Spolsky (Ed.), *The Cambridge Handbook of Language Policy*. Cambridge University Press.